

А. Н. Хохлов*

Священник-ориенталист
Иннокентий Серышев и его
просветительская деятельность
(Из истории востоковедения
Русского зарубежья)

В изучении истории русской эмиграции в странах Востока сделаны лишь первые шаги. Наименее изученным остается вклад в российское востоковедение соотечественников, оказавшихся в силу разных обстоятельств после Октябрьской революции 1917 г. за пределами России. Между тем даже русская эмигрантская печать со всей очевидностью указывает на существование в ряде стран Европы, Азии и Африки различных групп русских эмигрантов, серьезно занимавшихся проблемами истории, экономики и культуры народов Востока.

Наиболее ощутимых успехов в разработке исторических и современных проблем Азиатского континента добилась школа востоковедов в Харбине, где с 1909 г. функционировало Общество русских ориенталистов, а с конца 1922 г. — Общество изучения Маньчжурского края (ОИМК), учрежденное по инициативе русской интеллигенции, поддержанной местной китайской администрацией. В ноябре 1923 г. при ОИМК был открыт музей, в работе которого приняли участие специалисты разных научных дисциплин. Среди ученых, представителей естественных наук, особенно выделялись геолог Э. Э. Анерт (знакомый В. И. Вернадского) и естествоиспытатель, крупный знаток животного мира Маньчжурии Н. А. Байков, а также Н. В. Устрялов, Г. К. Гинс и В. А. Рязановский — видные специалисты в области юриспруденции. Важную роль в просветительской деятельности ОИМК до передачи этого общества в апреле 1928 г. в непосредственное ведение местных китайских властей играли востоковеды, в том числе китаисты П. В. Шкуркин, Г. Г. Авенариус, Г. А. Софоклов, И. Г. Баранов, С. Н. Усов, И. С. Скурлатов, японисты А. И. Галич, А. Я. Авдощенко, монголисты А. М. Баранов, А. П. Хионин и др.¹

На фоне востоковедов, не получивших специального образования, заметно выделялась фигура священника Иннокентия Николаевича Серышева, который на основе сведений, полученных от японцев-эсперантистов, подготовил и издал в Харбине ряд оригинальных и переводных работ, посвященных Японии. Его отец Николай Дмитриевич Серышев родился

* © Хохлов А. Н., 2006

Александр Николаевич Хохлов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

А. Н. ХОХЛОВ. СВЯЩЕННИК-ОРИЕНТАЛИСТ ИННОКЕНТИЙ СЕРЫШЕВ

в 1865 г. в семье мелкого купца, занимавшегося приграничной бартерной торговлей с китайцами и монголами в Кяхте. Во время учебы в 6-классном реальном училище в Троицкосавске (в 5 верстах от кяхтинской торговой слободы) ему часто доставалось от сверстников, так как он «не защищался, а говорил, что потерпит за Христа». Столь необычное поведение, которое воспринималось порой как проявление особой религиозности, побудило Иркутского епископа Вениамина, посетившего Кяхту-Троицкосавск во время объезда епархии, предложить «страдальцу за веру», окончившему курс учебы, принять духовный сан. При этом глава Иркутской епархии «у чаеотроговца купца Андрея Сибирякова сосватал ему его дочь Елизавету Семеновну»².

После принятия духовного сана 18-летний о. Николай получил солидный приход в с. Большая Кудара, близ границы с Монголией. Как пишет в краткой автобиографии сам Иннокентий Серышев, его отец был «идеалист, полный бессеребренник, мирской человек, обходительный с людьми и всеми любимый и уважаемый». Во время русско-японской войны он в качестве военного священника находился в Маньчжурии. По сообщению Серышева, его отцу приходилось бывать и на Афоне, где он «подвизался в уединенных кельях», был он и в Иерусалиме. Благодаря способностям к рисованию он слыл хорошим иконописцем и живописцем.

Иннокентий Николаевич Серышев родился в 1883 г. С 14 лет ему пришлось жить у своего дяди, так как отец после перехода на службу в епархиальное ведомство обязан был постоянно находиться в Чите. Начальное и среднее образование Иннокентий, подобно отцу, получил в Троицкосавском реальном училище, которое окончил в 1900 г. В том же году его приняли в только что открывшийся в Томске технологический институт. После перехода на 3-й курс Иннокентием овладела мысль — «к удивлению и огорчению профессуры, у коей считался хорошим студентом», — оставить институт. Это решение Серышев много лет спустя объяснял тем, что институт на первых курсах дал ему все, что могло его заинтересовать. Во время учебы он особенно увлекался богословием, математикой, теоретической механикой. Все другие «прикладные» науки его мало интересовали, он их не любил, «оставаясь всего более мыслителем, чем практиком».

В период русско-японской войны с И. Серышевым произошел инцидент, когда солдаты заподозрили в нем шпиона и отправили его в томскую городскую тюрьму на 15 суток. Тем не менее краткое пребывание в тюремной камере не прошло для него бесследно. После освобождения он сразу отправился к архиепископу Томскому Макарию и сообщил ему о своем желании послужить православной Церкви. Архиепископ Макарий предложил Серышеву для начала испытать себя в роли сельского учителя. Через полгода к нему неожиданно нагрянули жандармы и потребовали следовать за ними в Томск. Вопреки ожиданиям, здесь Серышеву официально сообщили не только о прекращении судебного разбирательства по его делу, но и о его невиновности. Ободренный таким поворотом дел, молодой сельский учитель отправился в Читу, где епископ Забайкальский и Нерчинский Мефодий, хорошо знавший семью Серышевых, рукоположил Иннокентия

ИССЛЕДОВАНИЯ

во диакона, поручив заботам молодого священнослужителя огромный Доронинский приход на р. Ингоде. В ведении прихода находилось 6 селений, в которых жили казаки и землевладельцы-крестьяне. Помимо 4 храмов (к ним впоследствии прибавился еще один), в его ведении находились 4 школы, из них одна 2-классная, располагавшая столярно-токарным отделением. После перевода епископа Мефодия в Томск о. Иннокентий последовал за ним, продолжив церковную службу в разных приходах Томской епархии.

Еще будучи студентом Томского технологического института, молодой Серышев совершил путешествие по России, побывав вместе с отцом в Москве и Петербурге, заезжал в Финляндию. Тогда же ему довелось проехать на пароходах братьев Каменских по Волге и Каме до Перми. По словам Серышева, это было его «первое турне», которое еще более укрепило в нем чувство любви к родному краю. Этим чувством он глубоко проникся еще в Сибири, с ее интернациональным населением.

В 1909 г. Серышеву порекомендовали брошюру д-ра Л. Заменгофа о международном языке эсперанто, которая произвела на него очень сильное впечатление. Во время путешествия в 1910 г. по странам Европы он посетил Берлин, Кёльн, Дрезден, Брюссель (во время работы Всемирной выставки), Остенде, Лондон, Париж, Берн, Цюрих, Женеву (побывав в Монблане, Сен-Готарде и Сен-Бернаре), Рим, Геную, Неаполь, Бари, а также Вену, Будапешт, Софию, Константинополь, Афон, всюду успешно объясняясь на эсперанто. Возвратился Серышев в Россию уже убежденным эсперантистом и впоследствии «вел переписку с 200 корреспондентами из 30 стран мира». Занимаясь среди педагогов Сибири агитацией в пользу изучения эсперанто, он «держал в своих руках все эсперантистское движение». «Многих людей, — признавался позднее Серышев, — я вывел на свет Божий, открыв им мир, как они выражались».

После Февральской революции 1917 г. И. Серышев принял самое деятельное участие в культурно-просветительской деятельности на Алтае. Этому благоприятствовало его избрание на пост секретаря культурно-просветительского отдела Алтайских кооперативных союзов края. «Во главе отдела, — вспоминал впоследствии Серышев, — стояли эсдеки, эсеры и даже было несколько большевиков. То, что они пригласили меня, священника, на такой ответственный руководящий пост, показывает, что они оценили мою искреннюю бескорыстную работу для народа... Мы раскинули по всей губернии сеть сельских культурно-просветительских обществ под руководством учителей, писарей, кооператоров и священников; издавали политлистки, учредили склад... диапозитивов для лекций, театральный склад; посылали инструкторов в села; послали научную экспедицию на Алтай для сбора растений, издали в папках гербарий целебных растений с описанием, как и когда их собирать и как их употреблять. Словом, вели громадную... работу по просвещению деревни». Позднее, на съезде работников культурно-просветительных учреждений, отдел был преобразован в самостоятельный Культурно-просветительный союз Алтайского края (или Культпросвет),

который принял для сношений с заграницей в качестве официального языка эсперанто, «коим союз широко пользовался». Культпросвет взял в свое ведение местный музей, который, по выражению о. Иннокентия, «национализировали и демократизировали, приблизив его к народу».

Через полтора года И. Серышев получил от ученого-ботаника проф. Добрынина из Чемала предложение занять должность секретаря Внешкольного отдела Каракорум-Алтайского земства. Это побудило его составить план создания на территории Алтая сети культурно-просветительских организаций. Его идеи встретили поддержку в Министерстве народного просвещения Омского правительства, которое не только утвердило смету необходимых расходов, но и приняло решение об ассигновании средств. Однако политические события, как отмечал впоследствии И. Серышев, «не допустили нас до осуществления выработанных планов», так как началось «народное восстание против Колчака, а на Алтае — против интеллигенции». «Староверы и прочие начали жать интеллигенцию. Из сел бежали иереи, писаря, учителя, кооператоры, земцы. Наше земство самоизолировалось, [а] нас эвакуировали в Бийск». Серышев уехал в Барнаул, а затем в Томск, где в Министерстве народного просвещения ему «посчастливилось» получить «безденежную командировку» в Японию для изучения тамошней системы народного образования.

Не зная японского языка и даже разговорного английского, но имея много знакомых по переписке на эсперанто среди японцев, Серышев в первый же день по приезде в Токио отправился в общество эсперантистов. С тех пор японцы-эсперантисты постоянно сопровождали гостя из России в его поездках по городу, особенно при посещении им школ и музеев, пока он «постепенно не освоился с японским языком — устным и отчасти письменным». Занимаясь преподаванием русского языка и даже однажды французского, Серышев главное внимание уделял обучению японцев языку эсперанто. Позднее ему удалось устроиться в большую японскую типографию, где он, имея дело с разными шрифтами (русским, немецким и английским), попутно печатал листки и брошюры на эсперанто и японском языке. Чтобы иметь немного свободных денег для своих научных занятий, ему пришлось сменить несколько профессий: пианиста-тапера в русском ресторане, продавца жареных пончиков, распространителя журнала на японском и польском языках с благотворительной целью (в пользу польских детей) и др. Разумеется, при всем многообразии дел и занятий он не забывал о своих обязанностях священника, выполняя чаще всего роль псаломщика в русской польской церкви. Настоятелем ее был протоиерей Петр Иванович Булгаков, опытный японист и глубокий знаток духовной жизни японского народа.

За 2 с половиной года Серышеву удалось объехать почти всю Японию и собрать с помощью японцев-эсперантистов богатый материал о постановке школьного образования не только в метрополии, но и в японских колониальных владениях — в Корее и на Тайване³. Местные жители всюду заявляли о своей готовности помочь русскому путешественнику в выполнении его научной миссии. В то же время они выражали сочувствие по

ИССЛЕДОВАНИЯ

поводу его вынужденной разлуки с семьей из-за политических событий в Сибири, вызванных Гражданской войной. Японские газеты, писавшие о вынужденном одиночестве о. Иннокентия, не обошлись без курьезного обвинения его в шпионаже, в чем нередко обвиняли многих русских эмигрантов и беженцев, оказавшихся в тогдашней Японии.

Результаты научных наблюдений, раскрывающих механизм и сущность школьного образования в Японии, Серышеву удалось опубликовать лишь после переезда в июле 1922 г. в Маньчжурию, где в зоне КВЖД, и особенно в Харбине, была ключом научная жизнь. Ее направляли Общество русских ориенталистов (ОРО), учрежденное еще в 1909 г., и ОИМК. В журнале «Вестник Азии», издаваемом ОРО, была напечатана статья Серышева «Народное образование в Японии»⁴. В том же году в Харбине появилась первая часть другого его труда — «Страна самураев», содержащая, в частности, исключительно ценные сведения об айнах — аборигенах острова Хоккайдо. За научные работы, а также лекции и выставки, посвященные Японии, его удостоили избрания в члены ОРО, хотя при выборах новых членов этого общества предпочтение обычно отдавалось лицам, получившим востоковедческое образование.

В 1924 г. в связи с отменой преподавания Закона Божия в ряде школ КВЖД о. Иннокентий лишился места законоучителя, а затем и дополнительного заработка в частной типографии, существовавшей за счет заказов от КВЖД. В этой безвыходной ситуации ему на помощь пришло знание эсперанто. Он получил приглашение на преподавательскую работу в Пекинский колледж по обучению учащихся международному языку эсперанто (ши-цзе-юй чжуан-мэнь сюэ-сяо).

Знаменательным событием в жизни Серышева в китайской столице стало его выступление 15 декабря 1924 г. перед преподавателями и студентами колледжа на заседании, посвященном дню рождения изобретателя эсперанто Л. Заменгофа. В этом выступлении были впервые сформулированы идеи относительно возможных путей и способов сближения народов Востока и Запада, оказавшихся во взаимной оппозиции. «Человечество, — указывал Серышев, — делится на две части, очень *различные* в *разных* отношениях: на *Восток* и *Запад*. Восток имеет свою восточную культуру, языковую группу, историю, литературу, философию, религию, психологию и обычаи. Сюда главным образом принадлежат Китай, Япония, Корея, Индия. Запад имеет свою западную культуру и пр.: сюда принадлежат Америка и Европа с Австралией. И мы должны констатировать с болью в сердце, что эти две грандиознейшие половины *человечества* до сих пор имели противоположные интересы, жили во вражде, *ненавидели* друг друга и не могли прийти к всечеловеческому *миру* и *не* придут, пока эти две половины не объединятся, не солидаризируются, не сдружатся» [здесь и далее курсив Серышева. — А. Х.]⁵.

Обращаясь к китайской аудитории, состоявшей главным образом из преподавателей и студентов, Серышев особое внимание уделял вопросам о том, каким образом пропагандировать учение и пользование языком эсперанто для целей путешествия, а также предпринять издание на эсперанто

А. Н. ХОХЛОВ. СВЯЩЕННИК-ОРИЕНТАЛИСТ ИННОКЕНТИЙ СЕРЫШЕВ

интересных книг о Китае. «Мой теперешний план,— указывал оратор,— касается лишь издания эсперантского журнала о Китае, так как эта задача легче, но не важнее, чем издание переводов из... китайской литературы, истории и философии...» По словам Серышева, такой журнал, издаваемый вначале ежемесячно и с иллюстрациями, должен был «освещать жизнь и душу Востока или лишь [одного] Китая». Для решения столь сложной комплексной задачи журналу необходимо было располагать тщательно продуманной организационной структурой, включающей в себя отделы истории, религии и философии, политэкономии, права, соц[иального] движения, литературы, науки (например, медицины), этнографии и географии и даже «смеси». Поскольку материал для такого журнала следовало отбирать «самый интересный и наиболее характерный», к сотрудничеству предлагалось привлекать компетентных в этих областях знаний лиц. Они должны были писать статьи по-китайски для последующего перевода их на эсперанто силами опытных китайцев-эсперантистов. Благодаря изданию такого журнала, западный мир, по мысли Серышева, мог бы «познакомиться хорошо с Востоком или [с] Китаем», понять «многое, чего до сих пор не понимал», почувствовать «удивление и уважение» в отношении к традиционной культуре народов Востока.

К реализации плана издания востоковедного журнала Серышев смог практически приступить лишь после возвращения из Пекина в Харбин в середине мая 1925 г. В письме от 16 июня 1925 г. он сообщал Н. К. Судзиловскому: «Вот уже месяц, как я в Харбине. Занят исключительно эсперантским делом. Из наших учителей (о них я говорил и писал Вам), эмигрирующих в Австралию или [на] Филиппины, я образовал эсперантское издательское т-во *Oriente* (Восток). Цель — издание на эсперанто журнала “*Oriente*” (100 стр. формата моих книг о Японии, с иллюстрациями), освещающего разносторонне жизнь Японии, Кореи, Китая, Монголии, Сибири, Тибета, Формозы,— пока, а в дальнейшем захватим Индию, Филиппины, Индокитай и Персию плюс Зондские острова. Собран для начала небольшой капитал; готовятся три переводчика под моим руководством.

Первый номер сдан в печать. Цена с пересылкою 1 кит. доллар [на] мой адрес. Пока объявили подписку на 3 месяца (3 кит. дол.), ибо [только] 3 номера обеспечены наличным капиталом. Я полагаю, что, хотя Вы не читаете свободно на эсперанто, но все же разобраться сумеете и, пожалуй, имея журнал, могли бы заинтересовать кое-кого как из русских ([например] консула), так и из иностранцев. Не пожелаете ли поддержать наше предприятие и сделать почин? Затем перехожу к делу. Мысль, брошенная мною насчет Формозы, попала на добрую почву, взошла и дает ростки. Мы искренне желаем (хотя получили право на Австралию) ехать на Филиппины, ибо 1) ближе, и это сохранит значительную сумму от переезда вместо Австралии и позволит пустить ее в оборот; 2) климатические условия, судя по Вашим словам, там для нас более подходящи. Но ни на русском, ни на английском яз[ыках] мы здесь *ничего* не нашли о Филиппинах. Посему я обращаюсь к Вам с просьбою: 1) не можете ли Вы за наш счет достать от генерал-губернаторства

ИССЛЕДОВАНИЯ

Филиппин отчеты Департамента агрикультуры и колонизации; мы с удовольствием купим эти отчеты. Нам не высылают (мы [о том] писали), а Вам — при Ваших связях — это [издание] легко получить [курсив автора письма.— А. Х.]»⁶.

Удачный опыт издания в Харбине первых двух номеров журнала на эсперанто впоследствии пригодился Серышеву при создании русской печати в Австралии, куда он, подобно многим харбинцам, эмигрировал в 1926 г. Здесь, поселившись в одной комнате с эмигрантом из Харбина Г. С. Григорьевым, Серышев проводил целые дни в поисках работы. Когда деньги стали подходить к концу, ему и его товарищу пришлось снимать угол у одного русского, бравшего по 5 шиллингов в неделю. «Вскоре,— пишет Серышев,— Григорьев устроился на стекольную фабрику датчан (они любят русских), я же через одного еврея-старика г. Гирша получил работу по ремонту квартир... Курьезно было начало. Пришел я к подрядчику просить работу по рекомендации... но не знал хорошо, как и чем шпаклевать. Накануне, впрочем, один русский знакомый на всякий случай рассказал мне приблизительно, как это делать... Я работал с месяц, отремонтировал 13 домов. Конечно, он немного меня обсчитал, как и полагается настоящему подрядчику в отношении новичка... Вскоре работа кончилась, он еще раз обсчитал меня. Я выразил на этот раз протест и остался без работы...»⁷

По вечерам, раз в неделю, Серышев посещал собрания эсперантистов, где выступал с докладами на разные темы. Одна из слушательниц, узнав о том, что ему нужна работа, предложила обратиться к своей знакомой, «державшей частный пансион (бординг-хауз) человек на 20–25 недалеко от Сиднея». Хозяйка пансиона согласилась взять Серышева на работу в качестве помощника, который обязан был доить коров, колоть дрова и приносить каменный уголь, топить печь, чтобы в доме всегда была горячая вода, «мыть ванны и уборные, помогать на кухне мыть кухонную посуду». За всю эту работу хозяйка платила ему 30 «бобов» (как здесь назывались шиллинги), что по тем временам было самой низкой платой для мужчин. «Одна из живших в пансионе англичанок, миссис Херрингтон,— пишет Серышев,— узнав от хозяйки моей, что ко мне должна приехать жена, но ей не хватает на билет денег, собрала среди пансионеров 15 фунтов и преподнесла мне... В обществе эсперантистов я встретил русского молодого эсперантиста г. Соболева, и он охотно одолжил мне недостающие 15 фунтов. Я послал их жене, и она в августе прибыла в Сидней... хозяйка приспособила ее горничной за один фунт; это [было], конечно, мало, ибо работа была и трудная, и долгая, и утомительная, и исполнялась добросовестнейшим образом»⁸.

Проработав 8 месяцев в частном пансионе, Серышев без сожаления оставил его. «Мы,— сообщал далее Серышев,— сняли комнату в Сиднее, в польской (обрусевшей) семье, и я стал искать работу и вскоре опять попал на ту же стекольную фабрику к датчанам, где и проработал 13 месяцев, успев выплатить главные долги, вызванные нашей поездкой из Харбина в Сидней... Работа была иногда трудная: гнуть стекло газом — жарко... Во время работы приходилось все время обливаться водою и сидеть у

А. Н. ХОХЛОВ. СВЯЩЕННИК-ОРИЕНТАЛИСТ ИННОКЕНТИЙ СЕРЫШЕВ

электрического вентилятора. Через 13 месяцев я неожиданно потерял место, предупрежденный за час до увольнения... Пришлось снова искать работу. Долго таковая не находилась. Прожили все сбережения. Вот тут я хватил горя...»⁹

После бесконечных мытарств и настойчивых поисков заработка Иннокентию Серышеву удалось, в конце концов, вернуться к любимому делу — организации своего издательства «Ориенто». Первоначально оно занималось выпуском различной бумажной продукции, предназначенной для религиозных и бытовых нужд русского населения. Особенно больших усилий потребовала от него деятельность по созданию местной русской печати. Первый журнал «Церковный колокол» вышел в Сиднее в 1932 г. под его редакцией. После выхода 4 номеров его переименовали в «Церковь и наука». С 1933 по 1936 г. было издано 45 номеров, некоторые из-за нехватки рабочих рук набирались самим редактором.

О популярности издаваемого Серышевым журнала позволяют судить отклики читателей, в первую очередь эмигрантов, осевших в Австралии. Так, один из жителей Квинсленда писал в редакцию этого журнала: «Посылаю Вам в этом письме 10 шил[лингов], из них 6 — за журнал (на год) и 4 — на шрифт. Как-нибудь во время рубки [леса] вышлю Вам еще... Журнал читаю с интересом. В нем нахожу много нового и полезного. Дай Бог, чтобы он существовал». Другой россиянин из того же города: «Получил два номера «Ц[ерковного] к[олокола]». Первый номер прочел и начал второй. Внешность [журнала] заставляет желать много лучшего. Что же касается внутреннего содержания, то журнал мне кажется очень интересным... Ожидаю третий. Посылаю в этом письме два [шиллинга] за три номера. Жду третьего номера с нетерпением. Буду пропагандировать Ваш журнал, но дело это будет идти медленно, и в ближайшее время едва ли будут подписчики, так как ни у кого нет денег до [снятия] урожая. Появление Вашего журнала как нельзя кстати. Здесь свила прочное гнездо секта так наз[ываемых] евангельских христиан... и баптистов, и [они] ведут себя очень активно и вызывающе в отношении православия, позволяя себе на словах кощунство над нашими таинствами, обрядами и догматами»¹⁰. Необходимость подобного издания для русской эмиграции осознавалась многими ее представителями, особенно интеллигентами. Однако из-за стесненных материальных условий, в которых находилась основная масса россиян-эмигрантов, многие из них не только не могли подписаться на журнал, но и купить его отдельный номер. Об этом сообщал из Мельбурна сирийский священник архимандрит Антоний, который, в частности, писал Серышеву: «Я каждое воскресенье, когда бывают русские в нашем храме, даю им читать Ваш журнал, но, к сожалению, большинство их — без работы и находятся в стеснительном положении... ввиду чего не могу заставить [их] подписаться на журнал»¹¹.

По причине крайне ограниченного спроса на «Церковный колокол» Серышеву и его двум помощникам пришлось отказаться от столь важного для духовного просвещения издания. В «прощальном» номере этого журнала Серышев, подводя итоги своей деятельности на поприще журналистики

ИССЛЕДОВАНИЯ

в Австралии, с горечью констатировал: «Настоящий журнал я прекращаю [издавать] на сем номере. Причина — никто не поддержал его материально, [у нас] только три годовых подписчика (и то из них один нерусский). Небольшое число покупало номера после выхода журнала из печати, и никто (кроме г. Ал[янчикова]) не подписался хотя бы на один месяц вперед. Ясно, что журнал при таком отношении публики не может существовать»¹².

Сообщив о прекращении выпуска «Церковного колокола», Серышев в том же последнем номере указанного издания заявил о своем намерении выпускать новый ежемесячный журнал «Церковь и наука» как орган «независимой православной мысли», рассчитанный в большей степени на интеллектуалов, обладающих заметным влиянием в тогдашнем русском обществе Австралии. Вот что писал по этому поводу будущий издатель и редактор ежемесячника: «Под моим редакторством начнет выходить взамен настоящего с марта сего года новый журнал «Церковь и наука». В начале марта выйдет № 1 (великопостный), в апреле — № 2 (пасхальный), в мае — № 3 (пятидесятичный) и т. д... Журнал этот будет печататься в 14 страниц текста (увеличение его размера будет зависеть от пожертвований читателей) в количестве 25 экз. (10 для заграницы, а 15 для своих, для верных, для тех живых душ, кои уже себя проявили по работе для прихода или церкви, кто поддержал “Ц[ерковный] к[олокол]”, кто из многих “званных” оказался “избранным”). Раздаваться или разноситься по домам этот номер не будет (такой чести мы больше никому не окажем). Высылаться он будет почтою лишь тем, кто пришлет подписку на то или иное число месяцев, хотя бы даже и за один месяц вперед... Цель журнала та же, что и “Ц[ерковного] к[олокола]”, но 1) выпадает отдел “Церковного вестника”, ибо журнал будет издаваться не для прихода (приход не поддержал, а поддержали более несиднейцы, коим приходская жизнь не интересна); 2) усиливается научно-богословский или апологетический отдел. Я имею под руками богатейший научно-богословский материал на английском, русском и эсперанто языках. Начиная с № 3, журнал примет свой нормальный вид популярно-богословского журнала, но № 1 и 2 будут заполнены, конечно, великопостным и пасхальным материалом. Мы не будем призывать к поддержке журнала: кто хочет, тот пусть сам идет к нам. Мы будем работать с теми и для тех живых душ, кои пожелали и пожелают работы нашей»¹³.

Еще одним важным начинанием Серышева в издательской деятельности стал выпуск журнала «Австралия». Благодаря добротной разнообразной информации о странах Тихоокеанского региона, этот журнал стал одним из лучших местных изданий на русском языке. На его страницах впервые появились выполненные Серышевым переводы произведений австралийского писателя Г. Лоусона «Жена погонщика» и «Ученик Спильмена». С 1934 по 1937 г. вышли 3 номера журнала «Азия», содержащие многообразную научную информацию о Японии, Китае, Монголии, Корее, Индии и других странах азиатского континента. Чтобы придать журналу больший научный авторитет, Серышев стал публиковать работы известных востоковедов, в первую очередь тех, кого он знал лично по Китаю и Японии. Не случайно

в январе 1935 г. в его журнале появились публикации китаиста П. В. Шкуркина, эмигрировавшего в 1928 г. из Харбина в Сиэттл (США). Помимо выдержек из его учебника по востоковедению для средних учебных заведений, в январе—феврале 1935 г. в журнале «Азия» была опубликована ценная работа Шкуркина по истории даосизма в Китае. После смерти япониста П. И. Булгакова, бывшего настоятеля российской посольской церкви в Токио, в этом журнале в декабре 1937 г. появилась его обстоятельная статья о видном китаеведе и японоведе Д. М. Позднееве (1865–1937). В этой работе, извлеченной из архива Булгакова, приводятся высокие оценки трудов Позднеева по японистике, данные японской прессой первого десятилетия XX в.¹⁴

Особой популярностью среди выходцев из России пользовался издаваемый Серышевым журнал «Путь эмигранта». Из 48 его номеров, вышедших с 1935 по 1945 г., 2 номера полностью и 4 частично посвящены А. С. Пушкину и М. Ю. Лермонтову (с переводом их стихотворений на эсперанто). Журналы читали русские эмигранты более чем из 10 стран мира (включая Египет и другие страны Африки).

В приложении к журналу «Путь эмигранта» с апреля 1940 г. публиковались «Записки кружка изучения Австралии в Сиднее» под редакцией прибывшего из Харбина журналиста С. Г. Вологодского, выпускника Восточного института во Владивостоке¹⁵. В первом номере «Записок» была опубликована его обстоятельная статья «Иммиграция и земельный вопрос в Австралии», в которой обобщался опыт, накопленный российской эмиграцией в разных сферах сельского хозяйства и промышленного производства. Отмечая, что широкая информация об экономических перспективах Австралии «уже сейчас нужна иммигрирующим сюда русским», автор статьи указывал на необходимость создания Общества по изучению Австралии, которое могло бы оказывать иммигрантам первую помощь «при ориентации в чужой обстановке».

Чтобы полнее представить просветительскую деятельность о. Иннокентия в Австралии, особенно в сфере поддержания православия среди соотечественников, достаточно обратиться к его публикациям в местной русской печати, с которой он был связан самыми тесными узами. В качестве свидетельства его миссионерской работы может служить проповедь, произнесенная им 18 сентября 1932 г. на английском языке в сирийском православном храме в Сиднее. Обращаясь к присутствующим прихожанам, в том числе русским, которые не располагали своим помещением для совершения богослужений и треб, священник И. Серышев сказал следующее:

«Я счастлив, что сегодня мы — православные русские — уже второй раз совершаем нашу службу в вашем храме. В прошлый раз во время нашей первой службы у вас я разъяснил моим соотечественникам [положение] о значении Сирийской Церкви, принадлежащей Антиохийскому Патриархату. Если Русская Православная Церковь есть возлюбленная дочь Греческой Православной Церкви, то ваша Церковь является старшей дочерью Греческой Православной Церкви, как наистарейшая из христианских Церквей, что

ИССЛЕДОВАНИЯ

нам известно из Евангелия. Я рад, что здесь, в Сиднее, так же как и в Мельбурне, все 3 Церкви представлены многими верующими... Я доволен, что 6 лет мы — православные русские — сотрудничали в молитве с местными греками, и я доволен, что ныне мы вступили на путь молитвенного общения с вами — сирийцами... Вы знаете, что русский, ныне 150-миллионный, народ принял православную веру от греков с открытым сердцем... всюду и всегда русский народ или просил Божьей помощи, или благодарил Его за милость, или славил Его. “Без Бога — не до порога”, — говорит русская народная поговорка. Этот народ был столь набожен и благочестив, что знаменитый русский писатель Достоевский именовал его богом — крестоносцем и богоносцем... Этот народ на протяжении веков воздвиг десятки храмов, создал знаменитые соборы, построил сотни монастырей и обителей, имел много святых, создал прекрасное церковное зодчество и чудную иконопись. И тысячи пилигримов из других православных стран притекали на Святую Русь, чтобы видеть святыни русского народа и им поклониться... И все притекавшие находили богатую обильную пищу для своей души. Но смотрите, *что* мы видим ныне? Россия лежит в полной нищете, в полной прострации, многострадальная, стонущая, мучимая и терзаемая, голодающая, в лохмотьях, вся в слезах и глубоко в крови... Россия теперь на своей Голгофе. На ее главе — венец мученицы, ее руки и ноги пригвождены ко кресту страданий... Но она восстанет из мертвых, Бог ее *воскресит*, и она поднимется из мрака смерти во славе... *очищенная* страданиями [курсив автора проповеди.— А. Х.]»¹⁶.

Из-за отсутствия храма для православных эмигрантов из России (некоторые из них приехали в Австралию, подобно о. Иннокентию, из Харбина) священнику-ориенталисту приходилось энергично изыскивать всевозможные способы для поддержания морального духа и пастырского окормления соотечественников, благодаря чему у него появились не только единомышленники, но и деятельные помощники. Наиболее активные из них стали надежной опорой своего пастыря (без прихода) в его благородном деле укрепления единства русского сообщества на основе соборных принципов православия. В среде местных русских эмигрантов Серышев обнаружил примеры активной творческой и духовной деятельности, ставшие ему образцами в полемике с деятелями российской эмиграции — известными писателями и публицистами в странах Западной Европы, которые в жизни соотечественников видели только явления разложения и тем способствовали росту упаднических настроений, не находя перспективы ее нравственного и духовного возрождения. Указывая на пробуждавшийся в эмигрантской среде интерес к познанию достижений русской культуры, Серышев в своих выступлениях в печати оперировал не только литературными образами, но и живыми примерами из окружавшей его жизни.

Особенно наглядно гражданская позиция Серышева просматривается в споре с признанными в русской эмигрантской среде авторитетами (писателем И. Ф. Наживиным, царским генералом П. Н. Красновым и др.) в опубликованной им в феврале 1933 г. в журнале «Церковный колокол» (№ 4) статье, озаглавленной «Души пустые и опустошенные души: (О раз-

ложении русской эмиграции в Австралии)». Эту публикацию предваряет принципиально важное авторское заявление: «Настоящая обличительная статья совершенно не имеет [в виду] *верных* [своему долгу] русских Австралии, кои (как, например, донские казаки-хористы и некоторые другие лица) так много послужили и потрудились для Церкви, кои отозвались на наш призыв поддержать наш журнал, кои так или иначе проявили себя как живые души. Их я определяю в размере 4% всей русской эмиграции в Австралии [курсив мой.— А. Х.]».

Основываясь на личном жизненном опыте и многолетних житейских наблюдениях, Серышев настойчиво и терпеливо убеждал своих соотечественников: «Истинного человека никакая добровольная физическая работа не обесценит. Я как раз имею несколько таких русских в том же Квинсленде. Один до 10 лет работает на тяжелых работах (то на медных рудниках, где получил грыжу, то в лесах.... то на хлопковых плантациях, где засуха 5 лет его преследует, доведя до нищеты). Живет [он] примитивной жизнью дикаря, в палатке из мешков и коры, питаюсь впроголодь. И все же он не перестал быть человеком, интересующимся и литературою и религиею. Он поддерживает и наш журнал, приветствуя его появление... имеет духовно-полезные книги, поддержал и мою библиотеку "Ориенто", не забрасывает и эсперанто... Это — живая душа... Есть такие люди везде, но их мало. Однако они не какие-то исключительные люди, или самородки, и потому они могут служить *примером* для подражания и служить *мерилом* при суждении о людях. Это вовсе не титаны, ворочающие горами, это не святые, а люди обыкновенные, *типичные* истинно русские, не потерявшие духовные ценности...»

«Вот еще один пример у меня под рукою: русский студент, окончивший в Харбине русский факультет и здесь в английском университете проходящий повторно курс наук... и ныне оканчивающий курс с тем, чтобы ехать в Париж и там опять пройти курс наук на французском языке, а затем — [в] Берлин и [там пройти] курс наук на немецком языке, а затем [лишь] пустить в дело приобретенные знания. И не думайте, что он богат: денег нет, но есть *воля и задание*. Он [сейчас] тяжело работает физически и знает, что и в Париже и в Берлине ему придется также работать... Днем на заводе, вечером — курсы, затем постоянные экзамены и штудирование огромной литературы по проходимым наукам. Это — человек. Это — истинно русский человек, интересующийся многими вопросами... *Такие люди — украшение и гордость и надежда будущей России*. А те — пустые и опустошенные души — не имеют оправдания, и их большинство всюду. *Они не герои, а пыль или плесень русского народа, с русских пыльных степей и дорог и топких болот занесенная в далекое зарубежье*. Они не герои, повторяю, а наоборот: позор России, они позорят русское имя и развращают эмиграцию. Почему г-н А. К. [Абдан Кассовский], говоря о доблести русской эмиграции, взял в пример именно этих никчемных и никудышных людей, о деятельности коих он ничего не знает, зная лишь, что они борются за существование и некоторые из них заняли приличное место (положение зависит от случая, от умения приспособляться, от умения ладить с окружающими и от знания

ИССЛЕДОВАНИЯ

дела; “выпашные” инженеры, и доктора, и подрядчики, и военные чины из “Выпашы” генерала Краснова знали хорошо, конечно, свое дело, но ведь это не помешало им быть жалкою “выпашью”: их “ремесло” — женщины, карты, вино и тому подобное, или, как немцы говорят: “вейн; вейн унд лейб”). Почему он [Абдан Кассовский] не указал на наши эмигрантские [культурные] *оазисы*, коими мы вправе гордиться [курсив мой.— А. Х.]»¹⁷.

Особенно суровая критика в виде колких замечаний Серышева звучала в адрес местного русского общества в Австралии, однообразная жизнь которого проходила в основном без творческой инициативы и созидательной деятельности. Об этом свидетельствует, в частности, «работа» русского клуба в Сиднее, которому автор уделяет особое внимание в стремлении как-то одухотворить монотонный образ жизни на чужбине. «На русском клубе в Сиднее,— подчеркивал Серышев,— стоит остановиться, ибо он единственный русский клуб в Австралии. Что же мы видели? О, очень много и более чем достаточно, чтобы судить о наших “деятелях” и о массе, клуб составляющей. Клуб главным образом все время сводился (за 6 лет существования, несмотря на постоянную смену правления, напоминавшую русскую министерскую чехарду в думский период ее истории) к свистульки-плясулькам, выражаясь утрированно, и лишь немногим концертам. Поражало, выражаясь мягко и дипломатично, поклонение Бахусу, и что важно отметить для истории и назидания потомства, и женщины увлекались Бахусом. Одно время клуб стал одиозным в глазах местных властей. За все время была устроена лишь одна лекция на тему о происхождении жизни на земле (оказалось: она занесена с других планет, а там откуда — нам не сообщили). Читал какой-то эстонец. Лишь часть публики слушала, а остальная мешала слушать, шумя в соседней комнате, и никакое шиканье не помогло. Так у нас любят слушать лекции»¹⁸.

Любая инициатива, направленная на повышение культурного уровня русской колонии и обогащение ее духовной жизни, чаще всего наталкивалась на глухое непонимание и даже сопротивление соотечественников, в чем не раз лично убеждался Серышев. «Я,— сообщал он,— писал о необходимости создать библиотеку и представил на всякий случай список рекомендуемых книг на сумму 40–50 фунтов стерлингов, причем из последних своих грошей внес для начала 4 шиллинга. И что же вы бы думали? Один из членов правления клуба мне сообщил, что правление же меня высмеяло: “Серышев внес 4 шиллинга, а книг подавай ему на 50 фунтов”. Когда [же] я открыл свою библиотеку “Ориенто” с другими заданиями (обслуживать русских в делях Австралии и [Новой] Зеландии) и просил членов правления клуба вывесить у них объявление об “Ориенто”, я получил отказ. “Конкуренция”,— был ответ. Это библиотека-то конкуренцию составляет при малости книг в каждой... Я им говорил, что я лично своим читателям рекомендую их библиотеку как дополнительную к моей, что я выписываю такие книги, коих у них нет, и ввел такие отделы, каких они не имеют (теософия, религиозно-философский, научно-популярный, востоковедение, лингвистика), но и это не помогло»¹⁹.

А. Н. ХОХЛОВ. СВЯЩЕННИК-ОРИЕНТАЛИСТ ИННОКЕНТИЙ СЕРЫШЕВ

Подводя неутешительный итог своим попыткам оживить духовную жизнь соотечественников в Австралии путем создания регулярной и разнообразной русской печати, Серышев не без грусти констатировал: «Я предполагал поднять австралийскую русскую эмиграцию в глазах европейской русской эмиграции, чтобы там видели, что и мы живы, не сидим сложа руки; очнулись, проснулись от сна или спячки и начали что-то делать общими усилиями. Мой план был таков: § 1. Издавать религиозный журнал Ц. К. [“Церковный колокол”]. § 2. Приобретя русский шрифт, издавать Ц. К. как следует. § 3. Издавать детский религиозный журнальчик: это очень нужно. § 4. Издавать трехмесячник (журнал толстого типа) “Австралия” по вопросам Австралии и Океании (литература, этнография, история, география, фольклор, политико-экономический отдел и пр.). § 5. Издавать религиозные листки по требованию момента... И эта великая идея была убита нашими пустыми и опустошенными душами»²⁰.

Чтобы духовно сплотить разобщенную массу своих соотечественников на основе гуманных традиций Русской Православной Церкви и достижений отечественной и мировой культуры, Серышев не раз выступал инициатором и организатором культурно-просветительских акций, связанных не только с библиотечным делом, но и с организацией лектория. Желая показать эмигрантам, каким духовным и культурным богатством пока потенциально они обладают, он в 1940 г. предложил Русскому дому прочесть для них цикл лекций, указав, что мог бы заниматься этим «в любое время с предупреждением за неделю». Перечень лекций, сведенных им по тематике в 3 большие группы, включал 50 названий. Помимо актуальных тем по истории религии и философии, важное место в этом перечне отводилось и сюжетам по востоковедению, в которых речь, в частности, шла о китайской (и японской) иероглифике, тибетской народной медицине, системе народного образования в Японии (по материалам 200-верстного путешествия Серышева пешком по японским городам и селам), характере японского народа и особенностях его быта (по воспоминаниям и отзывам лиц, посетивших Японию) и т. д.

В ситуации, когда на активных, «настоящих», по выражению самого Серышева, русских приходилось лишь 4% эмиграции в Австралии, его попытки наладить просветительскую работу порой напоминали донкихотство, а его страстные призывы к изучению, освоению и сохранению русской традиционной культуры — гласом вопиющего в пустыне. Вопреки многим неудачам, которые преследовали этого замечательного подвижника до самой смерти (в 1976 г.), он оставался оптимистом с твердой верой в светлое будущее русского народа. В этом его еще более укрепила победа народов Советского Союза над фашизмом в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. О приподнятом настроении, царившем среди большей части русских эмигрантов в связи с военными поражениями гитлеровской Германии в результате наступательных операций советских войск, позволяют судить, например, письма С. В. Кайдановой-Берви к известному обществу деятелю русского зарубежья Н. А. Рубакину середины 1940-х гг.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Так, в письме от 22 декабря 1944 г. эта видная в кругах русской интеллигенции женщина сообщала из Канады: «Вам, кажется, 80 уже стукнуло... Мне 78 скоро стукнет. Я пока в силах, вижу, слышу хорошо, работоспособна — имею 20 учеников по музыке. Помогаю дочери по хозяйству и литературный труд не переводится. Очень хотела бы поехать по окончании войны на родину, взглянуть на родные места и там сложить свои кости, но вряд ли это удастся по многим причинам. Война затягивается, но, конечно, окончится победой союзников. Что русские-то сделали и делают! К Вене уже продвигается Красная армия! А после войны сколько предстоит работы! И все это будет сделано... ибо силы русские неисчислимы». В другом письме, от 15 марта 1945 г., О. В. Кайданова-Берви сообщала Н. А. Рубакину: «События, невероятные по своему всемирному значению, развертываются перед нами... Действительность пошла навстречу идеалам, которые сравнительно не так давно признавались утопичными. Атлантическая хартия, Тегеран, Ялта. Все, что казалось несовместимым, несоединимым, пошло навстречу друг другу. Кто мог представить себе раньше Сталина и Черчилля, раскуривающими папиросы, мирно беседующими. Жизнь потребовала этого... Хотелось бы знать Ваше мнение... относительно всего того, что делается в России. Мне ясно одно, что воля народа оказалась сильнее отвлеченных доктрин, что неукротимый русский дух переварил все крайности коммунизма, взял все лучшее, остался здрав и невредим и Сталина повернул куда нужно... Здесь очень много пишут теперь о России. Словно Америка открытая, встала матушка Русь перед глазами всего мира, и смотрят на нее все с изумлением. Гоголевская тройка мчится, и народы начинают сторониться, чтобы дать ей дорогу. Как же точны были пророчества русских писателей Гоголя, Достоевского, Тургенева и других!»²¹

Под влиянием победы над Германией И. Н. Серышев в патриотическом порыве направил руководителям антигитлеровской коалиции письма, в которых предлагал использовать эсперанто в просветительских целях. Одно из таких писем, адресованное Сталину, сохранилось в виде копии в личном архиве Рубакина²².

Пример беззаветной преданности науке и своему народу, какой можно видеть в подвижнической деятельности священника И. Н. Серышева, не единственный в истории отечественного востоковедения. Столь же самозабвенно трудились на благо отечественной науки многие другие востоковеды-эмигранты, в том числе прибывшие из Харбина в Австралию во время Второй мировой войны (С. Г. Вологодский, А. П. Хионин и др.).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее см.: Хохлов А. Н. Общество изучения Маньчжурского края в Харбине и значение его реорганизации для судеб русских востоковедов: (По материалам русской эмигрантской печати и архивным данным) // Тихоокеанский путь развития: концепция и реальность: Тезисы XXII научной конференции по изучению Австралии и Океании. М., 1996. С. 47–52.

А. Н. ХОХЛОВ. СВЯЩЕННИК-ОРИЕНТАЛИСТ ИННОКЕНТИЙ СЕРЫШЕВ

- ² Здесь и далее цитируется рукопись И. Н. Серышева из личного архива Н. А. Рубакина: К 40-летию священства священника Иннокентия Серышева (с января 25-го 1906 г. по 25 января 1946 г.) (См.: РГБ, ф. 358, картон 274, ед. хр. 28).
- ³ Из известных исследователей-японистов предшественником И. Н. Серышева был Н. И. Конрад, автор статьи «Современная начальная школа в Японии», вышедшей в свет в 1913 г. в «Журнале Министерства народного просвещения», а также отдельным изданием в Сенатской типографии (см.: История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 г. М., 1997. С. 353).
- ⁴ См.: *Серышев И. Н.* Народное образование в Японии // Вестник Азии. Харбин, 1924. № 52. С. 165–244. Из книг, написанных Серышевым на русском языке об эсперанто до отъезда в Японию в 1920 г., следует упомянуть две, изданные в Саратове: «Что мне дал язык эсперанто» (1916 г.) и «Заграничные путешествия крестьян и рабочих» (1918 г.).
- ⁵ Азия. Сидней, 1935. № 2. Январь. С. 19.
- ⁶ ГА РФ, ф. 5825, оп. 1, ед. хр. 168, л. 5.
- ⁷ Австралия. Сидней, 1934. № 2. Ноябрь. С. 48.
- ⁸ Там же. С. 48–49.
- ⁹ Там же. С. 48.
- ¹⁰ Церковный колокол. Сидней, 1933. № 4. Февраль. С. 13–14.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Подробнее о востоковеде-китаисте и японисте Дмитрие Матвеевиче Позднееве см.: *Хохлов А. Н.* Петербургское японоведение с середины 50-х гг. XIX в. до октября 1917 г. // С. Г. Елисеев и мировое японоведение: (Россия, Япония, США, Франция, Швеция, Вьетнам). Материалы Международной конференции. М., 2000. С. 197–241; *его же.* Восточный институт во Владивостоке до и после русско-японской войны и вклад Д. М. Позднеева в российское японоведение // Гуманитарные исследования: Альманах. Вып. 4. Уссурийск, 2000. С. 214–239.
- ¹⁵ См.: История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 г. С. 69.
- ¹⁶ Церковный колокол. 1933. № 4. Февраль. С. 1–2.
- ¹⁷ Там же. С. 9–11.
- ¹⁸ Там же. С. 13–14.
- ¹⁹ Там же. С. 14.
- ²⁰ Там же. С. 18.
- ²¹ РГБ, ф. 358, картон 20, ед. хр. 1.
- ²² См.: РГБ, ф. 358, картон 274, ед. хр. 28. Из послевоенных известных нам публикаций о Иннокентии Серышева следует упомянуть его газетную статью: Эсперанто и Церковь в СССР // Русская идея. 1953. Март.